

0 7 2 6 4 2 1 - /

На правах рукописи

ШАКИРОВА АИДА РОБЕРТОВНА

**ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ
ПОСТСОВЕТСКОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ РЫНОЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ
(НА МАТЕРИАЛЕ КРУПНОГО ПРОМЫШЛЕННОГО ГОРОДА)**

Специальность 22.00.04 — социальная структура,
социальные институты и процессы

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

КАЗАНЬ - 2001

Диссертация выполнена на кафедре социологии, политологии и менеджмента Казанского государственного технического университета им. А.Н. Туполева

Научный руководитель:
наук,

доктор социологических

Официальные оппоненты:

профессор Т.Г. Исламшина
доктор социологических наук,
профессор А.З. Гильманов
кандидат социологических наук,
доцент Н.В. Соловьева
НИИ регионологии при
Мордовском государственном
университете им. Н.П. Огарева
(г. Саранск)

Ведущая организация:

Защита состоится 17 января 2002г. в 14⁰⁰ часов на заседании диссертационного совета К 212.081.03 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата социологических наук в Казанском государственном университете по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18, корпус 2, аудитория 1111.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Казанского государственного университета.

Автореферат разослан 15 декабря 2001г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат философских наук,
доцент

С.А. Ахметова

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
КФУ

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Стремительное движение в сторону общества рыночного типа привело к трансформации критериев социального расслоения. Прежние параметры социальной стратификации, способствовавшие конституированию социальной структуры советского общества, утратили свое ведущее значение.

Большинство из рассматриваемых в современной отечественной науке критериев социальной стратификации являются конструктами зарубежных социологов, разработанных применительно к условиям западных и американского обществ, неадекватных российской социальной реальности. Каждый социум по-своему уникален, имеет целый ряд социокультурных, исторических и, тем более, социально-экономических особенностей. Специфика социальной структуры российского общества заключается в незавершенности, фрагментарности, непрозрачности стратификационных процессов, в связи с чем особую остроту приобретает определение факторов социальной стратификации. В зависимости от выделения того или иного фактора социальной стратификации или значимого признака, существенным образом влияющего на объективные статусные позиции индивидов и социальных групп, формируется образ социальной структуры. Использование однофакторного подхода в настоящее время не позволяет учитывать сложную динамику стратификационных процессов. Целесообразен подход, предполагающий анализ целой группы факторов.

Дифференциация социально-экономического пространства российского общества пока остается малоразработанной областью социологического знания. Отсутствуют достоверные и обобщающие данные по специфике формирования социальной структуры регионов.

Актуальность темы диссертационного исследования обусловлена:

- 1) недостаточностью социологического знания об основных тенденциях стратификационных процессов в современном российском обществе;
- 2) отсутствием разработанного инструментария социологического анализа стратификационных процессов на уровне отдельных регионов;
- 3) неясностью перспектив становления социальных групп, «отвечающих» по своим функциональным признакам за стабильность развития социально-экономических и политических отношений в обществе.

Степень разработанности темы исследования. Несмотря на интенсивные темпы разработки в отечественной социологии проблем социального расслоения, нет однозначных подходов к определению роли и критериев социальной стратификации.

Основатели классического марксизма использовали в качестве ведущего критерия социальной классификации отношения собственности на

капитал и на средства производства. Согласно марксизму, экономические факторы обуславливают классовое сознание агентов социального действия, которое, в зависимости от принадлежности к имущим или неимущим классам, имеет свою специфику и предопределяет особую для каждого класса стратегию социального (коллективного) действия.

М. Вебер так же, как и К. Маркс, использовал экономические факторы социальной стратификации. Однако основу социального неравенства, по Веберу, наряду с отношениями собственности, образуют различия в жизненных шансах индивидов, порожденные различиями в рыночных позициях. Квалификация, мастерство на рынке труда - немаловажные факторы, благоприятствующие занятию индивидами позитивно привилегированных ниш. На социальный статус индивидов и групп влияние оказывают социальный престиж, измеряемый степенью уважения, авторитета, которыми общество наделяет те или иные статусные позиции, и власть, которые при определенных обстоятельствах приобретают системообразующее значение и детерминируют социальное неравенство.

К. Дэвис и У. Мур, а в последующем - Т. Парсонс и У. Уорнер, используя в качестве базиса стратификационного анализа императивы культурно-нормативной системы, развили веберовскую идею профессии как стратификационного фактора.

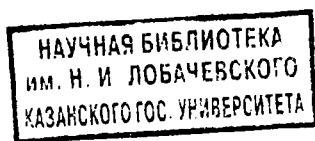
Ч.Р. Миллс, воспроизводя синтез наследия Маркса и Вебера, при анализе процесса самовоспроизводства элит объединил экономические и политические критерии стратификации.

Современная теория социальной стратификации развивается под воздействием методологического противостояния неовеберианского и неомарксистского подходов. Становится популярной и структуралистская версия социальной стратификации. Основной единицей анализа в конструктивистском структурализме (П.Бурдьё и др.) выступает не индивид или социальная группа, а место в социальном пространстве.

Российские социологи с начала 1990-х годов стали активно осваивать зарубежный опыт и применять западные и американские теоретические концепции социальной стратификации для теоретического анализа переходного российского общества.

К настоящему времени в отечественной социологии социальной стратификации накоплен собственный ценный опыт в исследовании:

- трансформации социальной структуры российского общества (Т.И. Заславская, Л.А. Беляева, Р.В. Рывкина, В.И. Ильин, В.И. Умов, О.А. Александрова);
- статусных позиций новых социальных групп (Т.И. Заславская, О.И. Шкаратан, В.В. Радаев, А.И. Агеев, Л.Б. Бабаев, Л.С. Бляхман, Р.В. Рывкина и др.);

- процесса социального расслоения (Е.Д. Игитханян, Л.А. Гордон, Л.Г. Ионин, М.Н. Руткевич);
- факторов социальной стратификации (Н.Е. Тихонова, З.Т. Голенкова, В.О. Рукавишников, Н.И. Лапин).

Представлены различные подходы к изучению факторов социальной стратификации - марксистская версия (М.Н. Руткевич, В.Ф. Анурий), социокультурный дискурс социального расслоения (Л.Г. Ионин), конструктивистский структурализм (В.И. Ильин).

Отдельные аспекты социальной дифференциации в 1980-1990-е гг. рассматривались и казанскими социологами (М.А. Нугаев – дифференциация социальных групп по потенциалам; Э.С. Рахматуллин, В.К. Падерин – исследования проблем лиц интеллектуальных профессий; Т.Г. Исламшина, Д.М. Исаков – этнический фактор в системе социального расслоения; А.З. Гильманов – социальная структура коллективов военнослужащих и др.).

За последние годы выполнен ряд диссертаций по стратификационной тематике казанскими исследователями (Н.Р. Ахмадуллин, Т.Р. Калимуллин, Е.В. Куппер, Л.Р. Низамовой, В.В. Фурсовой, Л.А. Шatroвой, Л.В. Ярмоленко и др.).

Цель исследования — выявление основных факторов социальной стратификации переходного российского общества и их влияния на статусные позиции индивидов и социальных групп на уровне крупного промышленного города.

В соответствии с этой целью в диссертации поставлены задачи:

- выявить типологические факторы социальной стратификации постсоветского российского общества;
- проанализировать воздействие дескриптивных факторов социальной стратификации на динамику статусных позиций в условиях перехода к рыночным отношениям;
- охарактеризовать влияние аскриптивных факторов на формирование новой системы социального расслоения;
- раскрыть специфику процессов социального расслоения населения крупного промышленного города.

Объект исследования - население крупного промышленного города как социально-территориальная общность в период трансформации российского общества.

Предмет исследования - факторы социальной стратификации, динамика стратификационных процессов в постсоветский период с учетом их локальной специфики. Крупный промышленный город, каким является Казань, отражает общие тенденции происходящих в стране социальных процессов. По своим основным социальным параметрам крупный город, административный центр субъекта РФ, ближе к столичным городам, од-

новременно отличается от малых и средних городов, являясь «промежуточным» социальным пространством.

Методологическую основу диссертации образуют два теоретических направления:

- а) структуралистская парадигма, позволившая выявить стратегию поведения реальных агентов социального действия в условиях неопределенности внешней среды и базирующаяся на признании экономических детерминант социальной стратификации (работы Дж. Голдторпа, Ф. Паркина, В.В. Радаева, О.И. Шкаратана, Н.Е. Тихоновой и др.);
- б) парадигма социального конструктивизма, согласно которой каждая социальная позиция наделена социальным статусом в зависимости от ее места в структуре иерархически упорядоченного социального пространства, имеющего характер силового поля и выступающего по отношению к индивиду в качестве социальной структуры (труды Э. Дюркгейма, П. Сорокина, Т. Парсонса, П. Бурдьё, П. Бергера, Т. Лукмана, В.И. Ильина и др.). Такой подход оставляет за индивидами «свободу действий» в конструировании социально-экономических практик, а с другой – позволяет учитывать противоречивость процессов социальной мобильности.

Эмпирическую базу диссертационной работы составили результаты:

- вторичного анализа опросов общественного мнения, проведенных известными социологическими центрами РФ;
- мониторинговых исследований, проводившихся социологическими службами Государственного Совета и Кабинета Министров Республики Татарстан;
- статистических обследований Комитета по статистике РТ;
- собственного социологического исследования, проведенного в 2000 году в г. Казани. Объем выборки составил 658 человек и включал взрослое население города (старше 18 лет), распределенное по 11 социально-профессиональным группам в зависимости от сферы приложения труда и форм собственности предприятия, учреждения: 1) рабочие крупных промышленных предприятий; 2) инженерно-техническая интеллигенция; 3) работники торговли, бытового обслуживания, транспорта и связи; 4) гуманитарная и творческая интеллигенция; 5) военнослужащие и сотрудники МВД; 6) служащие государственных учреждений и предприятий; 7) служащие частных и акционированных учреждений и предприятий; 8) предприниматели, субъекты малого и среднего бизнеса; 9) пенсионеры; 10) студенты; 11) безработные. Для обеспечения репрезентативности выборки были соблюдены пропорции городского населения Республики Татарстан

- по полу, возрасту, национальности. Ошибка выборки составила 4% и вычислялась по таблице В.И. Паниотто¹.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

- осуществлена типологизация факторов социальной стратификации применительно к российскому обществу в целом и к крупному промышленному городу в частности;
- на конкретном эмпирическом материале проанализировано воздействие факторов социальной стратификации на динамику формирования классов в условиях перехода к рыночным отношениям;
- представлен анализ дескриптивных факторов социальной стратификации и раскрыто их влияние на статусную позицию социальных агентов;
- выявлена гендерная и возрастная специфика стратификации населения крупного промышленного города.

Научная и практическая значимость исследования.

Полученные результаты и выводы вносят определенный вклад в разработку теории социальной стратификации. Результаты диссертационной работы могут быть использованы в последующих исследованиях тенденций развития социальной структуры нестоличных российских городов, в разработке основных направлений социальной макрополитики, в деятельности управленческих структур, а также в преподавании социологии, менеджмента организации в вузе.

Апробация работы. Основные выводы и положения диссертации изложены в выступлениях на семи научных конференциях (в городах С.Петербурге, Казани, Ростове, Уфе, Саранске) и нашли свое отражение в пяти научных публикациях.

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ.

Во введении определены актуальность темы, степень ее научной работанности, цель и задачи, объект и предмет, методология исследования, научная новизна и практическая значимость полученных результатов.

Первая глава «Методологические основы исследования факторов социальной стратификации современного российского общества» состоит из двух параграфов.

---

¹ См.: Паниотто В.И. Качество социологической информации (методы оценки и процедуры обеспечения). - Киев: Наукова думка, 1986. – С.80-82.

В первом параграфе «Концептуальные проблемы исследования факторов социальной стратификации» представлен историко-социологический анализ типичных стратификационных систем и факторов стратификации в каждой из них.

Под факторами социальной стратификации в работе понимаются социально-экономические, политические или социокультурные ресурсы, которые в совокупности с аскриптивными характеристиками определяют место индивида, социальной группы или статусной позиции в иерархической системе неравенства. Понятие «факторы стратификации» шире категорий «критерии», «параметры», «признаки» стратификации, хотя все эти категории являются близкородственными.

В диссертации факторы социальной стратификации подразделяются на аскриптивные и дескриптивные.

Аскриптивными факторами обозначены не зависящие от индивида и приписанные ему по факту рождения социальные признаки (жизненный старт, пол, возраст, национальность, раса), т.е. те признаки, которые индивид не в состоянии изменить по собственному усмотрению.

Заданные признаки социальной жизнедеятельности людей становятся факторами социальной стратификации, если они оказывают влияние на занятие индивидом тех или иных статусных позиций в иерархической системе неравенства и возникает ситуация социального исключения, когда предписанные индивидам факторы благоприятствуют/противодействуют получению определенной доли социальных благ, причем благ, имеющих дефицитный характер (престиж, доход, власть, собственность и др.).

Дескриптивные, или достигаемые, факторы базируются на признаках индивидуальной жизнедеятельности, зависящих от воли социальных субъектов. Если аскриптивные признаки не обязательно имеют стратифицирующую силу, то дескриптивные признаки всегда вплетены в контекст социального неравенства.

Дескриптивные факторы различаются как *материальные* (доход, владение /невладение собственностью, финансовым капиталом, уровень материального благосостояния и др.) и *нематериальные* (степень усвоения рыночных ценностей, адаптационный потенциал, потенциал социальной мобильности и др.), обуславливающие социально-экономическую позицию индивида в обществе.

Факторы социальной стратификации – социальные конструкты, в действительности неоднозначно проявляющиеся применительно к конкретным индивидам.

Во втором параграфе «Особенности социального расслоения постсоветского российского общества» анализируется специфика процесса

формирования системы социальной стратификации российского общества.

Классовое структурирование западных обществ давно завершено; в них принципы рыночной экономики служат основным регулятором рынка товаров, услуг и рабочей силы; строго определенная роль политических институтов не позволяет им вмешиваться в сферу деловой активности в неограниченных масштабах; функционирование институтов гражданского общества позволяет предложить индивидам широкие возможности в реализации субъективных потребностей (в том числе экономических).

Западный образец классового структурирования в российском обществе не нашел социальной, гражданской, экономической и политической основы. Комбинация в структуре постсоветского общества различных типов стратификационных систем (и советской, и постсоветской рыночной) содействует функционированию «квазиклассовых» социально-экономических отношений.

При анализе факторов стратификации российского общества исследователи выделяют реальные социальные группы (совокупность индивидов, имеющих сходные социально-экономические и социокультурные признаки, выступающих субъектами социального, коллективного действия) и номинальные (статистические) группы, выделенные по принципу совпадения важных социальных признаков, не имеющие агентского потенциала, т.е. не способные к коллективному действию в какой-либо форме. Большинство российских стратификационных исследований посвящается номинальным группам, в то время как «только реальные группы можно считать действительными субъектами социального и экономического действия, которое порождается имеющейся структурой позиций и в то же время активно ее формирует»¹. Номинацию статистической группы в качестве реальной мы наблюдаем на примере дискуссий о среднем классе – российский средний класс еще не является реальной группой, если исходить из того, что реальные группы обладают «потребностями и интересами, которые можно измерить; общими социальными нормами; общими ценностями; взаимной идентификацией; сходной мотивацией; символами; стилем жизни. Для них характерны самовоспроизводство, отличная от других система социальных связей»².

Стремление ученых выдать желаемое за действительное сужает возможности познания роли и места факторов социальной стратификации.

Наиболее предпочтительным инструментом анализа факторов социальной стратификации в обществе трансформационного типа является ве-

---

¹ Радаев В.В. Экономическая социология. - М.: Аспект пресс, 1998. - С. 228.

² Шкаратан О.И., Сергеев П.В. Реальные группы: концептуализация и эмпирический расчет // Общественные науки и современность. - 2000. - № 5. - С.35.

беровская методология. В соответствии с ней о классовых различиях можно говорить лишь тогда, когда: 1) большие группы имеют относительно сходные социальные перспективы; 2) данные характеристики проявляются в возможностях извлечения сходного уровня доходов и накопления социальных благ; 3) классовобразование порождается единственным способом — колеблющимся воздействием рыночного спроса и предложения. В данной ситуации особую важность приобретает категория «жизненные шансы», характеризующая стартовые возможности индивидов и социальных групп контролировать особо ценные (с точки зрения рыночных отношений) ресурсы и осуществлять рыночные стратегии поведения.

Веберовская методология, утверждающая наличие трех относительно автономных измерений стратификационного пространства, позволяет сместить акцент с производственных отношений на систему социально-профессиональных отношений. Марксистские и функционалистские же модели классового строения общества неизбежно сталкиваются с трудностями при объяснении нестабильных обществ, оставляя «за бортом» анализа индивидуальные действия экономических агентов.

Издержки переходного периода, связанные с неинституционализированностью принципов рыночной экономики, господством властного поля стратификации, формированием квазипредпринимательских структур, делают картину общественной иерархии трудно соотносимой с известными четырьмя типами стратификационных систем. Комбинация сословных, кастовых и классовых факторов стратификации, переплетающихся в российской социальной структуре, затрудняет понимание механизмов конститутирования социально-классовых общностей.

Несмотря на то, что выбор факторов стратификации обуславливается личным интересом исследователей (применительно к российскому обществу этот выбор еще более затруднителен), реальность социальных групп не может подвергаться сомнению. Одним из механизмов конструирования границ социальных групп, наряду с изучением объективных социальных признаков, является практика социальной самоидентификации индивидов.

Индивидуальные стратегии рыночного поведения агентов формируют своими действиями контуры социальной стратификации. В условиях нестабильного общества с аморфной социальной структурой веберовский метод позволяет глубже понять механизм возникновения социальных классов, определить их структуру и способы взаимодействия.

В отечественной социологии еще не сформировали общепринятые методологические подходы к изучению факторов стратификации переходного российского общества.

Из всех известных методологических подходов к исследованию факторов социальной стратификации в данной работе отдано предпочтение

многомерному стратификационному подходу М. Вебера, в котором, наряду с экономическим фактором, большая роль отводится социальному статусу, социальному престижу. Концепция факторов социальной стратификации К. Дэвиса и У. Мура применительно к переходному российскому обществу, по нашему мнению, в научном плане малопродуктивна, так как в стратификации российского общества пока решающую роль играют материальные критерии, тогда как Дэвиса и Мура интересовали прежде всего статусные позиции индивидов соответственно их профессиональным функциям.

Образованию - как фактору социальной стратификации - уделяется значительное внимание в концепциях постиндустриального, информационного обществ (Д. Белл, А. Тоффлер и др.). Образование выдвигается на передний план и по мере продвижения российского общества по пути рыночных реформ, особенно в контексте социальной мобильности.

Вызывают интерес исследователей концепции социального пространства и типов капиталов П. Бурдьё.

Изучение факторов стратификации постсоветского российского общества предполагает не механический перевод тех или иных западных концепций на российскую почву, а их критический анализ с учетом специфики условий развития РФ и ее регионов в 90-е годы XX века.

Вторая глава «Дескриптивные и аскриптивные факторы социальной стратификации» состоит из трех параграфов.

В первом параграфе «Факторы стратификации как категории измерения статусов» на основании анализа отечественных и зарубежных источников к числу факторов стратификации отнесены:

- 1) *экономические*: жизненный, материальный старт, тип собственности предприятия (учреждения), владение собственностью на средства производства и финансовым капиталом, наличие сбережений, среднедушевой доход семьи, заработная плата, адаптационный потенциал;
- 2) *культурно-символические*: уровень образования, содержание труда, регулярность повышения квалификации, язык как средство общения, потребительские практики;
- 3) *социальные*: степень включенности во властные структуры, социальные связи, позиции на рынке труда, престиж, семья, количество детей, здоровье, опыт работы, возраст, пол, этничность.

Ряд указанных факторов вбирает в себя в качестве переменных менее значимые факторы. Между всеми вышеизложенными факторами существует явная связь, что в диссертации аргументируется на примере воздействия гендер-фактора. По приведенным в диссертации данным статистической информации, женщины имеют более высокий уровень образования в сравнении с мужчинами (в Республике Татарстан среди имеющих

высшее профессиональное образование женщин больше на 4,4%, среднее профессиональное – на 9,8%, а в числе имеющих образование ниже среднего женщин меньше на 7,6%.¹ Причем в крупном промышленном городе, каким является г. Казань, этот разрыв особенно ощутим. Одновременно женщины составляют весомую часть занятых на государственных и муниципальных предприятиях (учреждениях) с низким уровнем заработной платы в сравнении с частным сектором; сферы их преимущественной занятости - образование, наука, здравоохранение, культура - еще не стали престижными.

Наиболее рельефно к настоящему времени прослеживается социальное расслоение населения крупных городов на основе действия экономических факторов стратификации.

По данным официальной статистики, к началу 1999 г. среднедушевой месячный доход населения РТ распределялся следующим образом: доходы ниже прожиточного минимума имели 21%, в пределах прожиточного минимума и едва перекрывающие расходы прожиточного минимума – 52%, чуть выше прожиточного минимума – 22%, 3,5% имели доходы от 1200 до 1600, что не позволяет относить их к среднему слою, и лишь 1,5% имели доходы свыше 2000 рублей.² Точных данных о численности слоя богатых нет совсем:

доходы свыше 2000 рублей, которые имеет лишь незначительная часть населения, не содержат информации о реальной доле самых богатых в Республике Татарстан по российским стандартам.

В диссертации приводятся и анализируются данные социальной статистики о социальном расслоении населения РТ и г. Казани соответственно его занятости в различных отраслях производства и секторах экономики.

Социальные и культурно-символические, особенно последние, факторы социальной стратификации российского общества к настоящему времени плохо изучены, в данной работе они также не нашли всестороннего анализа ввиду недостаточности или неточности базы данных объективной информации. Опосредованно о воздействии в совокупности всех факторов стратификации, по нашему мнению, можно судить по результатам социологических опросов о социальной самоидентификации.

По данным собственного конкретно-социологического исследования с применением методики графического теста³, имеется значительный разрыв в социальных представлениях богатых и бедных о масштабах соци-

---

¹ См.: Труд и занятость в РТ. Статистический сборник. - Казань, 1999. - С.22.

² См.: Социально-экономическое положение Республики Татарстан. - Казань, 2000. - С.5.

³ Использована с введением собственных изменений методика М.К. Горпикова и Ф.Э. Шереги.

альной дифференциации - опрошенные слабо представляют себе характер социального расслоения общества.

На основе анализа модели социальной структуры российского общества и позиций в ней статусных групп, разработанной Н.Е. Тихоновой¹, авторитетным специалистом в области социальной стратификации, соискатель выдвинул собственную модель, базирующуюся как на данных социальной стратификации, так и собственного социологического исследования.

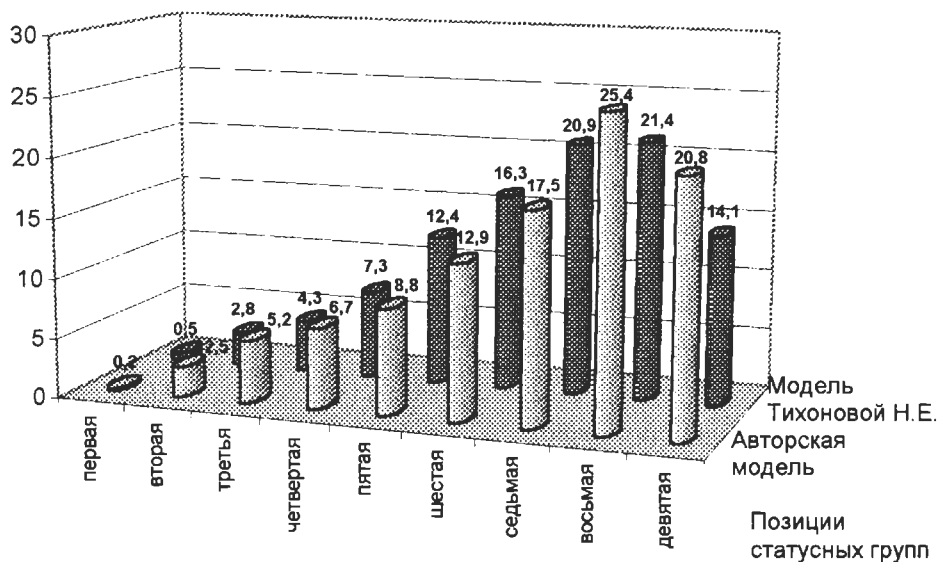

Рис. 1. Сравнительный анализ авторской модели и модели социальной структуры Н.Е.Тихоновой

Приведенные данные рисунка 1 наглядно демонстрируют образ социальной дифференциации как современного российского общества в целом, так и анализируемой нами городской социальной структуры. Сравнительный анализ авторской модели и модели социальной структуры, представленной Н.Е. Тихоновой, показывает, что степень социальных самоидентификаций в них приблизительно одинакова. Небольшое несоответствие нижних ступеней моделей является свидетельством значи-

¹ См.: Тихонова Н.Е. Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. - М.: РОССПЭН, 1999. - С. 65.

тельной смещенности социальной структуры городов регионального уровня в сторону нижнего полюса. В высших и средних статусных рангах с небольшими поправками можно регистрировать примерное сходство.

Высшая ступень авторской модели, аналитически выделенная нами в высший социальный слой, включает 0,2% от выборки (в модели Н.Е. Тихоновой соответственно — 0,5%). Слой между высшим и средним составляет 2,5% (2,8%). Эти результаты подтверждают распространенное суждение о российской социальной структуре как поляризованной структуре и вполне достоверно отражают реальную картину имущественного расчленения населения Республики Татарстан и крупных ее городов. В частности, существенное изменение статуса претерпели средние слои, сократившиеся более чем на 50%. С бедными слоями себя отождествляют 47% респондентов. Показателем незавершенности структурирования общества является высокая доля затруднившихся определить свое место в социальной структуре. Большое количество респондентов, отнесших себя к среднему слою, — отнюдь не доказательство реального существования многочисленного среднего слоя, и абсолютизация этих данных малоперспективна. К тому же на самоидентификацию респондентов оказывает влияние и ряд других факторов, здесь нами не рассматриваемых.

Большинство респондентов, считающих, что материальное положение их семей примерно такое же, как и положение окружающих, отнесли себя к группе среднеобеспеченных и выбрали в пределах моделей российского общества соответственные позиции. Худшим оказалось положение респондентов, считающих, что они материально менее обеспечены, чем остальные (всего по массиву — 14%). К этой группе относятся такие социально-профессиональные группы, как гуманитарная (35% из выбравших этот вариант ответа) и техническая интеллигенция (12%), служащие (12,5%) и пенсионеры (25%), другие группы (1,5%).

Данные, характеризующие мнение респондентов по отношению к трем наиболее значимым факторам, — владение собственностью, финансовым капиталом, обладание властью, выглядят следующим образом:

**МНЕНИЯ РЕСПОНДЕНТОВ О НАИБОЛЕЕ ЗНАЧИМЫХ
ПРИЗНАКАХ СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ**
(в % к числу ответов)

Факторы стратифи- кации	Генезис факторов					
	Должно- стной статус в советском обществе	Социаль- ные связи	Упорный труд	Талантли- вость	Наруше- ние закона	Затруд- няюсь ответить
Собствен- ность	27,4	38,9	5,3	3,2	21,6	3,6
Финансо- вый капи- тал	19,5	35,3	8,3	5,1	27,5	4,3
Власть	14,1	56,7	7,5	6,2	12,1	3,4
Средние показатели	20	44,3	7,3	4,8	20,4	3,1

Наличие /отсутствие собственности на средства производства, по мнению более четверти респондентов, связано с прежним должностным статусом владельцев. Большинство опрошенных не верит в повышение социального статуса посредством упорного труда, талантов и способностей.

Пессимистично оценивают свои перспективы социального восхождения 34,5% респондентов, более 27% опрошенных затруднились определить свою позицию по этому вопросу, и только 14,3% рассчитывают в ближайшем будущем на восходящую мобильность (см. рисунок 2).

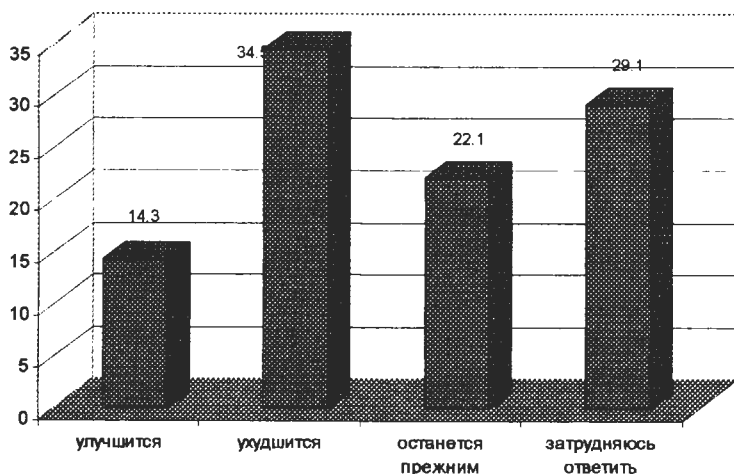

Рис. 2. Оценка респондентами перспектив улучшения материального положения (в%)

Население крупного промышленного города, каким является Казань, по многим своим параметрам характеризуется рядом черт, свойственных российскому обществу в целом, но тем не менее оно отличается как от населения столичных городов, так и от населения средних и малых городов. Соответственно и факторы стратификации крупного промышленного города имеют свою специфику.

Во втором параграфе «Дескриптивные факторы социальной стратификации» отмечается, что в российских реформах слабо просматриваются общеэкономические тенденции (свидетельство экономической нестабильности), в силу чего население выбирает специфические стратегии поведения.

Стратегии социальных агентов могут быть сведены к трем характерным социальным практикам - рыночной, стабилизационной и традиционной.

Рыночная стратегия, предполагающая высокую степень внедрения рыночных ценностей, заключается в следующем:

- 1) домохозяйства и их члены выступают агентами, осуществляя рациональный выбор, оптимизируют свои действия, владея различными видами ресурсов, размещая их соответственно цели получения максимально высоких *жизненных шансов* с минимальными издержками;

- 2) агенты стараются минимизировать риски, распределяя ресурсы между несколькими сферами;
- 3) в период трансформации новые отношения представляют собой коллективную результирующую индивидуальных стратегий вложения ресурсов. В процессе институционализации новые отношения становятся социальной структурой.¹

В эмпирическом исследовании попадание в группу с рыночной стратегией поведения обеспечивалось выбором нескольких позитивных альтернатив - самоидентификация с более высокими социальными слоями, высокий уровень притязаний в перспективе (прежде всего, материальных), относительно высокая самооценка в сравнении с окружающими своего положения в обществе на данный момент, специфические социальные диспозиции.

Стабилизационная стратегия основана на закреплении индивидом (группой) определенного социального статуса, характеризуемом удовлетворенностью достигнутым статусом и слабовыраженным желанием добиваться более высоких позиций в обществе.

Третья стратегия - *традиционная*, прямо противоположная рыночной стратегии. Подавляющая часть этой группы занимает нисходящие статусные позиции. Социальное самочувствие представителей традиционной стратегии резко контрастирует с самочувствием предыдущих двух социальных групп и выражается в неясности социальных перспектив, крайне низком уровне материальной обеспеченности и ориентациях на сильную государственную поддержку.

В данных опроса факторы, влияющие на позитивную /негативную самоидентификацию материального положения респондентов, ранжируются следующим образом: уровень дохода (90%); владение собственностью (84%); доступ к власти (74%); профессиональная принадлежность (64%); квалификация (55%); уважение окружающих (45%); образование (37%); сфера занятости (30%); отрасль занятости (27%); регион проживания (21%); национальность (4%); религиозная принадлежность (1%). Чем выше статусная позиция, тем меньше количество выборов в пользу такого фактора, как уровень дохода. В более высоких статусных позициях особую важность приобретают образовательный и квалификационный факторы: 48,4% представителей высшего социального слоя, 42,3% находящихся между высшим и средним, 40,5% представителей среднего слоя рассматривают образование в качестве наиболее значимого фактора, определяющего высокое положение в обществе; среди предста-

---

¹ См.: Пиирайнен Т., Турунцев Е. Отталкиваясь от Макса Вебера: к пониманию процессов социальной трансформации в России // Вопросы экономики. - 1998. - №7. - С. 71.

вителей гуманитарной и технической интеллигенции оценка значимости образования и квалификации выше, соответственно 75,8 и 67,3%. Большая часть респондентов, идентифицировавших себя с высшими и средними статусными группами, занята в частном и акционированном секторах экономики (75,3 и 54,2% соответственно). Лишь 37,3% работников государственного сектора полагают, что занимают привилегированные статусные позиции.

Образовательный статус в рассматриваемых социальных слоях также весьма показателен и повышается по мере восхождения к верхним ступеням социальной иерархии. Так, в структуре высшего социального слоя и слоя между высшим и средним 2,3% опрошенных имеют ученую степень, 58,3% - высшее образование, 29,3% - среднее специальное образование. В нижнем социальном слое лишь 15,5% респондентов имеют высшее, 35,4% - среднее специальное образование.

К позитивно привилегированным группам по такому фактору, как возраст, причисляют себя люди активного трудоспособного возраста (от 26 до 50 лет). Доля считающих социальное неравенство естественным явлением в жизни общества в среде привилегированных групп оказалась выше.

Доходы большинства опрошенных складываются из трех источников: заработной платы, собственного дела и вторичной занятости. Агенты, имеющие собственное дело, редко прибегают ко вторичной занятости. В то же время 36,7% работников государственного сектора имеют дополнительные источники дохода. В нашем исследовании выделены такие стратегии экономического поведения, как: 1) дополнительная вторичная занятость; 2) предпринимательская, индивидуальная трудовая деятельность, совмещаемая с основной работой; 3) продажа, сдача в аренду личного имущества; 4) случайные приработки; 5) реализация продукции подсобного хозяйства; 6) материальная помощь родителей, родственников; 7) поступления из финансовой системы.

Дополнительный источник дохода имеют 23,5% опрошенных, и он играет даже превосходящую по сравнению с заработной платой по основному месту работы роль. Материальное положение более чем у трети респондентов, имевших вторичную занятость, за последний год улучшилось.

Субъектами традиционной стратегии действия на рынке труда выступают промышленные рабочие, часть служащих и технических работников государственных и акционированных предприятий, пенсионеры и безработные, которым свойственна сильная ориентация на патерналистскую роль государства. Политические ценности коррелируют с другими факторами социальной стратификации, в особенности со стратегиями экономического действия непривилегированных групп. Идею общества индивидуальной свободы разделяют представители практически всех

привилегированных социальных слоев¹. Индивиды и социальные группы, придерживающиеся рыночной стратегии, оказались в более выигрышной ситуации, чем те, кто прибегал к стабилизационной и нерыночной стратегиям.

В третьем параграфе «Аскриптивные факторы социальной стратификации» выделены такие признаки стратификации, как пол и возраст (этничность и раса нами не изучались).

В работе рассмотрены социальные аскриптивные факторы, которые через механизм социально-половой иерархии воздействуют на занятие индивидами тех или иных статусных позиций. Отмечены существенные диспропорции занятости мужчин и женщин в сфере государственной службы, предпринимательстве и др. в пользу первых. Чем выше должностные позиции в профессиональной иерархии, тем меньше туда попадают женщины.

Ключевыми в гендерной дифференциации являются социальные отношения, возникающие в рамках профессиональной структуры и семьи. Депривированный статус женщин соотносится и с их неравенством в семье в ведении домашнего хозяйства.

Результаты исследования подтвердили как нашу гипотезу, так и выводы большинства российских ученых, работающих в области социальной стратификации, о том, что более высокие социальные позиции в обществе обеспечиваются через механизм власти и собственности. Однако были получены данные, свидетельствующие о том, что высокий социальный статус части женщин обеспечивается социальным положением ближайшего семейного окружения (мужей или родителей).

В работе анализируется также депривация пожилых, которая является результатом экономической нестабильности и кризиса социальной системы, не гарантирующей экономически активным в прошлом гражданам достойного уровня жизни. В современном российском обществе пожилые в своей подавляющей массе занимают нисходящие ступени социальной иерархии по всем факторам стратификации. Если в советском обществе социальный статус пожилых поддерживался государственными институтами и был достаточно высоким, то в настоящее время это - наиболее отчужденная часть общества.

Основной стратегией различных возрастных групп по улучшению своего материального статуса является включенность в рыночные структуры. По данным нашего исследования, большинство молодых людей старается закрепиться именно в частном, реже акционированном секторах рынка. Люди более зрелого возраста (в особенности старше 40 лет) пред-

---

¹ См.: Осенний кризис 1998 года: российское общество до и после - М., РОССПЭН, РНИСиНП, 1998. - С. 83-84.

предпочитают закрепиться в нише государственного сектора, предлагающего определенные гарантии.

Изучение возрастного фактора социальной стратификации показывает, что в настоящее время сложилась система воспроизводства социальных слоев. Механизмом такого воспроизводства выступает система образования. Выходцы из менее обеспеченных социальных слоев оттесняются на периферию образовательной иерархии, уступая место более привилегированным группам как в понятиях экономического, так и социального господства. Образование становится своего рода социальным капиталом, который через систему рыночных отношений способствует занятию индивидом более благоприятных социальных ниш. Это значит, что у молодежи имеются большие возможности восходящей социальной мобильности в сравнении со старшим поколением.

В заключении формулируются основные выводы работы, которые заключаются в следующем:

Ведущим системообразующим фактором социальной стратификации российского общества является уровень материального благосостояния.

Большинство социальных групп, выделяемых в социологической литературе, претендуют лишь на статус номинальных, но не реальных групп. Реальные группы имеют общий интерес, обусловленный сходством образа и стиля жизни, мировоззренческих систем восприятия и оценивания внешнего социального окружения, обладающих способностью к отстаиванию собственной позиции в социальном пространстве посредством осуществления коллективных форм действия.

Факторы социальной стратификации достаточно сильно обуславливаются региональными различиями.

Чем выше позиция в иерархии неравенства, тем большее количество выборов индивидов в пользу рыночной стратегии социального действия, для которой характерны индивидуалистические ценности, стремление использовать все имеющиеся ресурсы (материальные и символические) для укрепления или повышения социального статуса. Традиционная стратегия поведения свойственна в основном рабочим, служащим государственного сектора, использующим, как правило, экстенсивные способы выживания. Стабилизационная стратегия свойственна тем, кто уже достиг достаточно высокого уровня благосостояния и не стремится подняться выше по иерархии неравенства.

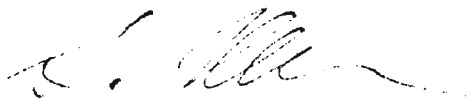
Изучение аскриптивных характеристик как факторов социальной стратификации в российской социологии только начинается. В данной работе аскриптивные признаки рассматриваются в качестве социально укорененных факторов социальной стратификации, подверженных динамике. Социально-половая дифференциация осуществляется в рамках профессиональной структуры и в семье. Анализ другого аскриптивного фак-

тора стратификации — возраста выявил его большую значимость в формировании новой социальной структуры.

В настоящее время материальный статус играет преобладающую роль в формировании статусных позиций. Вместе с тем, уже ощущается конкурентоспособность иных факторов социального расслоения - образования и квалификации, которые в частном секторе уже востребованы и хорошо оплачиваются. Единственное, что не позволяет занять этим факторам подобающее им в иерархии факторов место, — это большой разрыв между частным и государственным секторами, что, надо полагать, в обозримой перспективе будет преодолено.

Основные положения диссертации представлены в следующих публикациях соискателя:

1. Федерализм и бюджет: соотношение федеральной и региональной системы финансов // Федерализм: проблемы формирования. - Казань: КГТУ им. А.Н.Туполева, 1994. - С.161 - 166 (в соавторстве с Марчуковым В.Ф.).
2. О методологических подходах к исследованию социальной структуры// Потребительская кооперация и социально-экономические проблемы Башкортостана в условиях перехода к рынку/ Сборник научных трудов. - Уфа, 2000. - С.100-104 (в соавторстве с Исламшиной Т.Г., Шамсутдиновым Р.А.).
3. Крупный промышленный город - административный центр как объект социологического исследования// Кооперативная самобытность в XXI веке/ Тезисы докладов научно-практической конференции. - Казань, 2000. - С.56- 57.
4. К методологии исследования процесса социальной стратификации населения крупного промышленного города // Потребительская кооперация и социально-экономические проблемы Башкортостана в условиях перехода к рынку/ Сборник научных трудов. - Уфа, 2000. - С.104 - 106.
5. О факторах социальной стратификации населения крупного промышленного города// Кооперативная самобытность в новом тысячелетии/ Материалы научной конференции. - Москва - Саранск, 2001. - С.64- 65.

Подписано в печать 10.12.2001. Формат 60х90 1/16
Усл. п. л. 1,25. Тираж 100 экз. Заказ № 237

Отпечатано в Центре инновационных технологий
Россия, РТ, г.Казань, ул. К.Фукса, 8, 9/11
Лиц. П.Л. № 0173 от 26.10.99

2-00